

20716-54

КЪ ВОПРОСУ О СОСТОЯНІИ

ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ РОССИИ ВЪ КОНЦѢ XVII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Изъ отчета о занятіяхъ Н. В. Соколовскаго во время его ученой командировки въ Москву и С.-Петербургъ въ 1878—1879 гг.).

Предисловіе. Нынѣшняя редакція „Ученыхъ Записокъ Казанскаго университета“, въ лицѣ редактора ихъ, многоуважаемаго профессора О. Г. Мищенко, предложила мнѣ написать соотвѣтствующее предисловіе къ этому труду. Я исполняю это предложеніе тѣмъ съ большею охотою, что покойный авторъ этого труда, такъ рано сошедшій въ могилу, былъ со мною весьма тѣсно связанъ научными интересами и служебными отношеніями, и что этотъ его трудъ, давно уже одобренный факультетомъ, какъ достойный напечатанія въ нашемъ университетскомъ изданіи, до сихъ поръ не былъ напечатанъ въ немъ, независимо отъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ я почитаю въ настоящее время излишнимъ распространяться, между прочимъ и благодаря моей малой настойчивости, чтобы опредѣленіе факультета о напечатаніи его было своевременно исполнено.

О. Г. Мищенко далъ мнѣ возможность до нѣкоторой степени сгладить мою вину, сдѣлавъ мнѣ вышеозначенное предложеніе, за что приношу ему мою искреннюю благодарность.

Иванъ Владиміровичъ Соколовскій былъ, какъ значится въ послужномъ его спискѣ, сыномъ оберъ-офицера и родился 10 октября 1850 года. Въ 1868 году, по окончаніи гимназическаго образованія, онъ поступилъ въ студенты Историко-филологическаго факультета Казанскаго университета; во время ученія въ университетѣ, какъ отличный студентъ, онъ пользовался стипендіею М. Н. Просвѣщенія. По окончаніи курса въ университетѣ въ 1872 году со степенью кандидата опредѣленъ былъ, по моему представленію, хранителемъ Музея этнографіи, древностей и искусствъ, находившагося въ моемъ завѣдываніи, съ жалованьемъ въ 500 рублей въ годъ. За отличное отправленіе обязанностей по этой должности онъ въ 1875 году пожалованъ орденомъ св. Станислава 3-й степени. Съ 1-го января 1878 года былъ командированъ въ Москву и С.-Петербургъ для усовершенствованія въ наукѣ Русской исторіи. Я здѣсь почитаю необходимымъ привести выдержку изъ официальнаго моего представленія объ этой командировкѣ покойнаго И. В. Соколова, съ которымъ исполнѣ были согласны и факультетъ и Совѣтъ У-та, и которое, думаю, удовлетворительно обрисовываетъ характеръ его, какъ молодаго ученаго. Представленіе это было сдѣлано еще въ апрѣлѣ 1877 года, и въ немъ, между прочимъ, находятся нижеслѣдующія строки: „Факультетъ, конечно, помнитъ, что г. Соколовскій, по окончаніи у насъ курса въ 1872 году, не колеблясь, принялъ его предложеніе занять должность хранителя Музея этнографіи, древностей и искусствъ, не смотря на крайнюю скромность соединяющагося съ ней содержанія (500 р. въ годъ), тогда какъ, кончивъ курсъ первымъ кандидатомъ, онъ могъ рассчитывать на полученіе мѣста въ любой гимназій, несравненно щедрѣе вознаграждаемаго. Въ этомъ случаѣ г. Соколовскій руководился исключительно тѣмъ соображеніемъ, что, занимая предложенную ему должность, онъ получитъ возможность къ дальнѣйшему изученію Русской исторіи, которой онъ преимущественно занимался въ теченіе студенческаго курса, явивъ результаты такихъ занятій между прочимъ въ своемъ сочиненіи „*Петръ Великій, какъ учитель и воспитатель Русскаго народа*“, удостоенномъ, по опредѣленію факультета, напечатанія въ Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета. Факультетъ съ своей стороны, предлагая г. Соколовскому мѣсто хранителя вышеназваннаго музея, надѣялся, что онъ этою университетскою должностію воспользуется, между прочимъ, для усо-

вершенствованія себя въ избранной имъ специальности и для приготовленія себя такимъ образомъ къ преподавательской дѣятельности по Русской исторіи въ университетѣ. Эти надежды факультета г. Соколовскій оправдалъ самымъ достойнымъ образомъ. Являясь въ теченіе слишкомъ четырехъ лѣтъ постоянно усерднымъ и безукоризненно аккуратнымъ исполнителемъ своей официальной обязанности по званію хранителя Музея, обязанности,—которую, если взять во вниманіе расширение музея, нельзя назвать легкою,—г. Соколовскій въ то же время съ неослабнымъ усердіемъ занимался изученіемъ источниковъ и пособій Русской исторіи и также наукъ, имѣющихъ связь съ этимъ предметомъ. Плодотворность такихъ своихъ занятій онъ доказалъ вполнѣ, когда въ прошломъ году явился въ факультетъ для испытанія на степень магистра Русской исторіи, выдержаннаго имъ съ полною удовлетворительностью.

Я покрайней мѣрѣ съ своей стороны изъ познаній, которыя г. Соколовскій обнаружилъ на своемъ магистерскомъ испытаніи, вывожу заключеніе, что въ этомъ молодомъ ученомъ общается весьма полезный преподаватель Русской исторіи въ университетѣ. Самое желаніе его получить возможность къ дальнѣйшему занятію этимъ предметомъ я могу объяснить не иначе, какъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу будущей его профессіи, къ которому онъ готовился.

И дѣйствительно: ближайшее ознакомленіе съ богатствомъ и разнообразіемъ матеріаловъ и изслѣдованій по отечественной исторіи, которыя сосредоточены въ столичныхъ архивахъ и книгохранищахъ, и которыя въ большинствѣ случаевъ мы напрасно стали бы искать въ другихъ мѣстахъ, при пользованіи указаніями и совѣтами тамошнихъ ученыхъ,—нельзя не признать существенною необходимостью для всякаго готовящагося къ профессорской дѣятельности по этой наукѣ“.

Послѣ долговременной переписки нашего университета по этому представленію, обычной впрочемъ для нестоличныхъ университетовъ, И. В. Соколовскій былъ наконецъ командированъ въ Москву и С.-Петербургъ съ ученою цѣлью на полтора года съ сохраненіемъ за нимъ мѣста хранителя Музея этнографіи, древностей и искусствъ и положеннаго по этому мѣсту содержанія и съ пособіемъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 600 руб. въ годъ.

Прощаясь со мною передъ отъѣздомъ въ Москву, Иванъ Владиміровичъ выразился такъ: „что-то жутко, мнѣ кажется,

ѣхать въ первопрестольную столицу; чего то боюсь“. Я поставился разсѣять эти его опасенія, пристекавшія, какъ мнѣ тогда казалось, изъ излишней скромности, которою всегда отличался покойный. Дѣйствительно, со мною бесѣдовалъ молодой человѣкъ, не только совершенно здоровый, но, какъ говорить, человѣкъ „кровь съ молокомъ“. Высокій ростомъ, красивый лицомъ, стройный, онъ не внушалъ ни малѣйшаго подозрѣнія, что не пройдетъ и двухъ годовъ, и его не будетъ на свѣтѣ, а относительно вполне удовлетворительнаго исполненія имъ задачи, связанной съ его командировкой, я нимало не сомнѣвался и былъ убѣжденъ, что онъ привезетъ въ Казань прекрасную магистерскую диссертацию. Я, признаться, подумалъ: вотъ человѣкъ, къ которому всего приличнѣе приложить латинское изреченіе—*„mens sana in corpore sano“*,—но чего то напрасно боится.

Въ первый годъ его командировки я не находилъ ни одного факта, который могъ бы поколебать такую мою увѣренность относительно Соколовскаго: переписка его со мною за это время свидѣтельствуетъ, что онъ не только надлежащимъ порядкомъ велъ свои научныя занятія въ Москвѣ; но и умѣло велъ переговоры съ художниками относительно изготовленія этнографическихъ манекеновъ для нашего Музея, которыхъ впрочемъ и по настоящее время, благодаря тѣснотѣ помѣщенія Музея, не имѣется.

Представленный теперь въ печати трудъ покойнаго И. В. Соколовскаго говоритъ лишь въ подтвержденіе высказанной мною увѣренности. Но я, какъ оказалось, ошибся, взявъ на себя дѣлать заключеніе о состояніи здоровья молодого талантливаго ученаго: второй отчетъ И. В. Соколовскаго, на мой взглядъ, представляется слабѣ теперь напечатаннаго. Я не могъ объяснить себѣ тогда причины ослабленія въ научной производительности покойнаго. Объясненіе тому вскорѣ дано было страшно-осязательнымъ образомъ: въ августѣ 1880 года мнѣ принесли извѣстіе, что И. В. Соколовскій возвратился изъ Москвы и находится въ ненормальномъ состояніи здоровья; я немедленно отправился въ его квартиру въ университетѣ и нашелъ къ крайнему моему прискорбію подтвержденіе справедливости этого извѣстія: Иванъ Владиміровичъ стоялъ посреди комнаты передъ не распакованнымъ своимъ чемоданомъ и, по видимому, узнавъ меня, тѣмъ не менѣе не измѣнилъ своего стоячаго положенія, которое сохранялъ, по свидѣтельству его

сосѣдей, неизмѣннымъ въ теченіи сутокъ, и на всякіе мои вопросы не отвѣчалъ ни слова. На другой день онъ самъ явился въ моей квартирѣ и, молча, подавъ бумагу, въ которой проектировалъ выстроить къ Музею пристройку на воздухѣ. Я попросилъ его итти въ Музей подѣлать тѣмъ предложенью, что его проектъ требуетъ, предварительно исполненія его, составленія смѣты и плана, причемъ ему быть необходимо въ Музеѣ. Въмѣсто архитектора и членовъ правленія университета въ Музеѣ оказался докторъ, нынѣ проф. Н. И. Студенскій. Этотъ послѣдній, осмотрѣвъ больного, стоявшаго, какъ истуканъ у двери, и ни на одинъ вопросъ ничего не отвѣчавшаго, утвердительно сказалъ, что у него сильное и едва ли поправимое психическое разстройство. На основаніи формальнаго свидѣтельства его въ этомъ смыслѣ, я получилъ отъ тогдашняго ректора, покойнаго Е. Г. Осокина, предложеніе озаботиться помѣщеніемъ больного въ центральную казанскую лѣчебницу для психически больныхъ, что мною и было выполнено послѣ многихъ хлопотъ и затрудненій, которыя выходили со стороны больного, не желавшаго никакъ отойти отъ своего чемодана. Раза два я навѣщалъ его въ жилищѣ скорби и страданія, но онъ уже не узнавалъ меня, какъ и другихъ своихъ знакомыхъ и даже родныхъ. Только подѣ конецъ своего недолговременнаго пребыванія въ этомъ домѣ, гдѣ къ упоминовенію его присоединилась скоротечная чахотка, онъ пришелъ въ сознаніе и вскорѣ послѣ обнаруженія этого сознательнаго состоянія (30 октября) скончался.

Миръ праху твоему одинъ изъ лучшихъ и любимѣйшихъ моихъ учениковъ и товарищей потомъ!

Заслуж. проф. Н. Ойрсовъ.

24 марта
1890 года.
